

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> приятного чтения!

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский

Первое литературное впечатление на польской территории. Таможенный осмотр. Все книги отбирают. Я обращаюсь к какому-то высшему полицейскому таможенному чину.

– Прошу вернуть мне книги. Тем более что только мои сочинения...

Чин любезен и радостен.

– Вы сами написали? Значит, вы сами писатель?

Киваю скромно и утвердительно. Чин вежливо возвращает книги обратно. Вчитывается в мою фамилию.

– Маяковский... Такого не знаю. А вы Малашкина знаете? Он старый или молодой? Я прочел его книгу «Луна с правой стороны». Очень, чрезвычайно интересная книга... Он у вас тоже известный?

Очевидно, отбираемые книги не пропадают зря. Наскоро выложив общие знания о Малашкине, сажусь в варшавский поезд.

Какая-то станция, кажется, Барановичи. Поезд стоит минут 10. Подхожу к киоску за русскими эмигрантскими сочинениями. У киоска остолбеневаю. Лежит «Нива». «Нива» самая настоящая: буквы в цветочках, слева – семейства, читающие «Ниву», справа – амурчики, «Ниву» поливающие из лейки. Издание – Рига. Год – 27-й. И даже дань временам: «Нива» называется «новой». Расчет, думаю, простой. «Нивой» или «Миром» назвать обязательно – «привычка свыше нам дана»; с другой стороны, московскую «Ниву» уже обозвали «красной», а московский «Мир» почему-то назван не божьим, а «новым», поэтому и осталась «Новая нива».

Возмущенный, раскрываю журнал. Еще б не возмущаться – какая наглая подделка! Читаю. Никакая не подделка. На первой странице Ахматова. Потом Зозуля – «Путешествие по Корсике», масса зошенок, и все в этом роде со слабой примесью собственных советоедов – рижан.

Я в раздумье.

Одно из двух. Или великое искусство действительно внеклассовое и покоряет одинаково и эсэсэсэрцев и рижан (тогда плохо для марксизма), или выпестованные нашими «Нивами» и «Мирами» писатели одинаково приемлемы и для советского обывателя и для оберегаемого от коммунизма рижского (тогда плоховато писателям).

Небось лэфовцев в такой компании не найдете. Уж если и перепечатает газета стих, то обязательно хвост от себя приделает, да еще в комментариях покроет.

Не об этом ли верещал Полонский, говоря о нашей неприемлемости для заграниц?

Черт с ней, с такой приемлемостью!

Политические выводы из этого делать не к чему, но литературные – обязательно. А именно: погоня за темами, общими для всех человеков, это – погоня за огромным косным обывательским рынком; борьба этих тысяч писателей и критиков против агитки, против политики в искусстве – это борьба обывательского большинства против горсточки революционных писателей, против писания о революции и против нее самой.

Литература СССР – только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны – и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова, организующего или еще более сплывающего левые отряды для грядущей борьбы.

Товарищи писатели! На революцию ориентируйтесь, а не на примирительное сюсюканье Лежневых.

Варшава. (За поездку я побывал в Варшаве два раза: день – направляясь в Прагу, и

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru десять дней – на обратном пути; объединяю в одно оба впечатления.) Я приехал в Варшаву по приглашению «Блока» (левая писательская организация) и «Пен-клуба» («Клуб пера», имеющий разветвления по всей Европе, объединяющий маститых, положительных и признанных). На вокзале меня встретили и приветствовали чиновник министерства иностранных дел, друг Вандурский, и еще несколько писателей «Блока». «Пен-клуб», очевидно, убоившись своего революционного приглашения, встречать не пришел, а, кажется, сидел в это время и надрывался в дебатах, что же ему теперь собственно говоря со мной делать. Вызвали духа, да еще какого революционного!

Чиновника тоже опровергли через дня три. Опровергли уже после того, как в официальной «Эпохе» его присутствие уже было опубликовано. Опровергли потому, что мой приезд совпал с отказом в визе путешествующему с лекциями Милюкову. И в газетах стали появляться грозные статьи: «Вместо Милюкова – Маяковский»; «Милюкову – нельзя, Маяковскому – можно», и т. д. и т. д.

Случай, конечно, юмористический.

В первый вечер я, конечно, встретился с самыми близкими нам и мне писателями. Это – Вандурский – прекрасный поэт и работник рабочего театра. На триста тысяч лодзинских пролетариев он один организует и ставит спектакли. Перед спектаклем он читает пролог из «Мистерии-буфф», потом – пьеса или инсценировка, от которой морщится польское начальство. У него отбирают помещения, у него уничтожают декорации, над ним висят аресты, но он твердо ведет свою работу.

Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов. Названия его стихов говорят за себя: «На смерть революционера», «Пионерам», «Кабала» и т. д.

У него есть стихи «Провокатор» – это о жизни сегодняшней Польши. Он читал эти стихи в рабочем собрании. Когда он произнес строку: «Провокаторы ходят меж нами», какие-то субъекты испуганно поднялись и начали улепетывать из зала, на ходу разъясняя, что они-де не по своей воле. Это стихотворение хорошо рисует и Польшу, и Броневского, и рабочий быт.

Критик Ставер – близкий нашим конструктивистам.

Щука – художник-карикатурист; Жарновер – художница, график, обложечница, и другие.

Эта группа издает журнал «Дзвигня» – рычаг.

Мне дарят 1, 2 и 3 номера. Раскрываю. Первое бросается в глаза: «Родченко в Париже» – перевод на польский язык помещенных в «Лефе» писем. Перевели и напечатали и за границей, и не только без всякого влияния, а, наоборот, с трудом доставая «Леф» вопреки Полонским улюлюканьям и статьям, ограждающим иностранный вкус от экспорта неэстетичных лефов к иностранцам.

Полонский, не хватайтесь за голову!

В Польше есть и люди диаметрально противоположные вам политически, но вашего эстетического вкуса.

Они гонят молодежь в Лувр, они радуются, когда Варшаву называют маленьким Парижем, они заводят у себя «неизвестного солдата», они говорят по-французски и читают французские романчики, – это позиция польских литературных государственныхников. Но ведь им за это Франция займы дает! Ведь им молодежь от Москвы отвадить надо!

И вот, в противовес этим, переводят родченковские письма, дискредитирующие богатый древней культурой, но остановившийся Париж, зовущие использовать его технику, направляя ее коммунистической рукой.

Эти письма переиздаются не «Новой нивой», а левым журналом, потому что позиция «Лефа» – позиция всякой культурно-революционной силы.

Утром я перешел из крохотного номерка в номер за 19 злотых – для представительства. Было от чего. Я начал атаковать корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами. Понятно. Я – первый поэт, приехавший из красной

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Москвы. Должен для беспристрастия отметить крайне корректный, предупредительный тон польской прессы. Неистовствовала только эмигрантская «За свободу», трубившая о въезде советского.

Интересным посетителем был председатель «Клуба» г-н Гетель. Этот, очевидно, умный и приятный человек взял сразу быка за рога и спрашивал меня по наиболее интересующим «пеню» статьям. А именно – сколько у нас платят, как мы застрахованы и что сделать, чтобы у нас оплачивались польские переводы.

Моя информация о результатах работы комиссии Совнаркома по улучшению писательского положения произвела на моего собеседника большее впечатление, чем сто агитаторов и целый коммунистический «университет».

Мои слова о приравнивании писателя к трудящимся вызвали у Гетеля уныло-удивленную улыбку.

– А я и в профессиональный союз не записан – не к чему это нам. Как он меня защищать будет?

Г-н Гетель увел меня на парадный завтрак, данный в честь «вызванного духа». «Пен-клуб» вышел из неловкого положения, – он пригласил на завтрак только шесть человек – правление, да и то неполное. Этим завтраком с небольшими разговорами об авторском праве и закончилась моя встреча с официальными представителями польской литературы. Мы позавтракали и разошлись, «не причинив друг другу никакого вреда» (пользы – также).

Вечером – новый банкет широкого левого объединения.

Первым я увидел вдохновенно глядящего, поэтически трясущего руку поэта и переводчика моего «Облака в штанах» «Облак в споднях» – Тувима. Белые газеты писали, будто я, получив перевод, сказал: «Наплевать мне на польскую литературу». Я немедленно опроверг чепуху. Пришел другой писатель и переводчик – Слонимский. Он перевел «Левый марш» и для уравнивания своих взглядов написал еще и свой марш. У меня: «левой, левой, левой», у него: «вверх, вверх, вверх», – этаким польским Шенгели.

Я похвалил перевод «Левого».

Слонимский спросил опасливо о «вверх».

– За «вверх» пускай вас в Польше хвалят.

Полеты Слонимского «вверх» кончились катастрофой.

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса, не то «Вавилонская башня», не то «Геркулесовы столбы» – словом, из такого самого полета вверх.

На втором представлении театр был пуст.

Я виноват перед читателем за постоянные упоминания обедов! Но что поделаешь! Такова судьба официальных, полуофициальных и представительских поездок (моя, конечно, представительская). У меня был еще один грустный обед. Это – с моим переводчиком, уже упомянутым мною Тувимом.

Многие считают Тувима одним из самых лучших поэтов молодой Польши. Не зная языка – судить не берусь. Он переводил меня, очевидно, не из-за заработка. Какой заработок от книги в Польше, да еще от переводной, да еще с перевода одного из поэтов революции! Отношение его к моим стихам, очевидно, лирическое, и он решил, очевидно, посидеть час за обедом со своим собственным приятным воспоминанием. Он не ругал ни Польши, ни своего писательского положения, даже чуть похваливал своих перед иностранцем. Но именно в этом внезапно напущенном на себя, ни с чем остальным не гармонирующем свободословии было больше всего мотивов для жалости.

Ему, очевидно, нравилось бы писать вещи того же порядка, что «Облако в штанах», но в Польше и с официальной поэзией и то не просуществуешь, – какие тут «Облаки»! Даже такие смирные, мифически потусторонние писатели, как одна из слав Польши – Пшибышевский, влачат жалковатое существование. Правительственная субсидия какому-нибудь «маститому» злотых 800 в месяц (рублей 180) уже вызывает

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
писательскую зависть.

Что же делать Тувимам? Тувимы пишут тексты для певиц и певцов варьете.

(Глупые скажут: «А сам про Моссельпром писал?» – я про Моссельпромы хочу писать потому, что нужно. А ему для варьете и не нужно и не хочется.) И варьете прекрасно, если писать хоть немного «что хочешь».

Какое тут «хочешь», если такую польскую славу, как Жеромский, и то перед смертью вызывали в дефензиву с недоуменнейшим вопросом – как это ему в голову пришло написать такую революционную вещь? И Жеромский шел!

Правда – можно писать и против того, что видишь. Но тогда кто тебя будет печатать?

А если тебя отпечатает нелегально нелегальная коммунистическая партия – готов ли ты садиться в цитадель на четыре, на шесть, на восемь лет?

А кто сейчас в силах идти на этот героизм, кроме человека, принадлежащего к классу, верящему в победу коммунизма?

Но можно писать просто книжечки, – такие, чтобы и вашим и нашим.

Такие еще труднее.

Кроме горизонтального разреза на классы, встретишься еще и с вертикальным – нации. Это при обязательном польском языке! Это значит, из тридцати миллионов населения восемь миллионов украинцев не прикоснутся к твоей книге. А если ты еще и еврей и пишешь на польском – разве евреи будут тебя читать?

А Тувиму надо и некоторой бури и некоторого оживления, как у футуристов, как у лефов.

Найди и оживись, когда тебе приходится имитировать крупную литературную работу чтением выхолощенных стихов, разъезжая из столицы Варшавы в провинцию Вильно!

Что за провинция и какая столица?

Когда я ехал из Негорелого в Столбцы, я сразу отличил границу и то, что она польская, по многим и солидно закрученным колючим проволокам. Те, которые еще не успели накрутить, лежали тут же, намотанные на длинные, кажется, железные катушки.

Здание станции Столбцы, и чистое видом и белое цветом, сразу дало и Европу и Польшу.

Вот это забота, вот это стройка!

Но сейчас же за Столбцами пошла опять рухлядина – длинные-длинные перегоны без жилья и крестьян и косые хаты.

А разоренья и запустенья, пожалуй, и больше.

Видал я на полпути станцию – большая, очевидно. Поезд держала минут пять. Станция странная: только передняя стена, которую не имели в виду ремонтировать, сквозь выбитые окна виднелись земля, небо-потолок, трава-пол. На стене висел колокольчик. Только к одной трети стены были прилеплены телеграф и багажное. Перед этой стеной стояли четыре жандарма. Непонятная архитектура!

Правильнее было бы делать станции из четырех стен и с одним жандармом.

Редкие станции еще и малолюдны. Поезда пусты. В норд-экспрессе, мчащемся из Берлина в Варшаву, на 7 вагонов было человек пятьдесят. В простейшем поезде из Варшавы в Негорелое на девять вагонов ехало (не преуменьшаю) человек семь. Рядом с нашим вагоном тащился один совершенно пустой мягкий, один совершенно пустой жесткий и рядом – жесткий вагон всего с одним пассажиром. Правда, это – уже подъезжая к границе; вероятно, это редкость, но даже и для редкости пассажиров все-таки мало.

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Когда подъезжаешь к Варшаве, кажется, что подъезжаешь к огромному городу. Кажется – потому что долго идет пригород, подготавливают крепость и цитадель, заставляет всматриваться растущий разгон предместья, и только когда прибываешь на станцию Варшава – оказывается, что и пригород и предместье – они и есть уже столица.

Странное ощущение – разбег без прыжка.

Временный деревянный барак вокзала еще больше увеличивает недоуменье.

При выходе на улицу две-три не то чтобы вертящиеся, а так, подпрыгивающие рекламы – смешат желанием походить на Европу.

Мысль о бедности провожает вас по улицам. Средний уровень одежды скорей приближается к московскому, чем, например, к берлинскому виду.

Обилие извозчиков. Такси, введенные недавно, еще не очень привились.

Магазины полны – но тоже какой-то провинциальной полнотой. Есть все – кроме того, что вам нужно.

Ни одно здание, ни одна стройка (кроме разве старых домов старого города) не останавливает вас. Бельведер, насколько позволяет поле зрения, так – загончик, гостиницы – средненькие, жилья – ординарные.

Лучшим местом мне показалась огромная площадь, оставшаяся после срытия православного собора (первая часть безбожной программы выполнена – остается срыть только католические); на этой площади памятник Понятовскому. Понятовский на лошади, без штанов, тычет мечом в сторону Украины. Памятник этот не совсем плох уже одним тем, что памятник Шопену много хуже.

Шопен – это какая-то скрюченная фигура, а рядом – больше фигуры – не то разбрызганные валы, не то раскоряченные коряги.

Спрашивают: «Что это у него рядом?»

Говорят: «Хаос».

Если рядом с человеком такое находится – это, действительно, большой беспорядок, но лепить это и ставить в саду – совершенно нелепо.

Постановка памятника оправдывается тем, что его, кажется, француз Польше подарил.

Говорят, сейчас гордая Польша собирает деньги, чтобы отправить их скульптору в награду, так как Польша не хочет пользоваться даровым.

Впрочем, злые люди утверждают, что французы уже раньше собрали деньги, только чтобы этот памятник был вывезен из Парижа.

Шумно только на главных улицах. Боковые пусты и молчаливы. Впрочем, последние дни, в связи с варшавскими городскими выборами, стало шумней и оживленней.

Поволки и легковые извозцы изукрашены плакатами и лозунгами.

Из разных окон раскидывается мелкий снег предвыборных летучек, иногда сплошь белящий и тротуары и мостовые.

Потом по тротуарам пошли намалеванные черной краской номера выборных списков. Краска паршивая и моментально стиралась шаркающими.

По стенам и заборам выклеены антибольшевистские плакаты: конечно – латыши, конечно – зверского вида, конечно – расстреливают каких-то людей честного и страдающего вида.

У польского правительства есть более верное средство предвыборной борьбы. Оно просто аннулировало коммунистический список № 10 по каким-то формальным

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
основаниям.

Пепеэсовцы немедленно выпустили протестующую прокламацию, где обвинялись сами коммунисты. Они, дескать, против демократии, поэтому с ними-де так недемократически и поступают.

После этого изъятия уже выборы ничем не омрачились и пошли по всем правилам политических опереток.

Ездят, поют, разговаривают, кричат, свистят, аплодируют и часам к двенадцати расходятся, как из театра. Только на окраинах битые и раненые, – это если в предвыборную полемику вступают защитники аннулированного списка.

Последние дни особенно лезло в глаза предвыборное. Я переселился в пустующую до приезда курьеров дипкурьерскую комнату полпредства. Полпредство помещено удачно. Справа – полиция, в центре – полпредство, налево – монархический клуб. Часам к 8, к 9 вечера нас подымал со стульев дикий шум у самых полпредских дверей. Под окнами скакали десятки полицейских.

Каждый раз шумиха оказывалась пустяком.

Это с балкона клуба орали речи и распевали песни монархисты, собирая небольшую толпочку.

Немедленно появлялись на грузовике пепеэсовцы и старались их перекрыть пением Интернационала (!!!). Видимость получалась страшно революционная. Попев и сорвав десяток-другой монархических афиш, пепеэсовцы удалялись.

Тогда снова вылезали монархисты с лестницами и возможно выше наклеивали новые листы. Из парикмахерской (под клубом на Познанской) выбегает мастер, подталкиваемый пепеэсовским долгом, влазит по трубе и срывает наклейку.

Опять выбегает монархист...

Опять, ругаясь, вылазит пепеэсовец...

Сказка про белого бычка!

Но даже этот невеселый спектакль веселее скучных спектаклей в театрах.

Головатое ревью с постоянным восторженным припевом «Варшава, Варшава», с непременно превознесением ее парижских качеств, Вертинский на польском языке. В кино – «Медвежья свадьба» с знаменитой «польской» артисткой Малиновской, «Дворец и крепость» с переделанным под польский вкус концом – опять-таки с большевистским зверством, и, конечно, всякое американское приключенчество и французская сентиментальность.

Я убежден, что серьезный читатель знает Польшу лучше и глубже, чем я. Считал все-таки полезным записать мое поверхностное впечатление, так как, несмотря на близость Польши, наши проезжие редко в ней останавливаются, и, очевидно, редко это можно делать.

Выводы частные.

Для нас, не только авторов книг, но и организаторов литературы для общей пролетарской борьбы, литераторы Польши (да и других обьежженных мною стран – Чехословакии, Франции, Германии) делятся на три группы. Те, кто избраны своим господином – классом, и не оборачиваются на имя СССР, а всячески помогают своим правительствам травить нас и оклеветывать. Другая группа – полупризнанные, полуопределившиеся – измеряет свое отношение к нам шансами на литературную конвенцию и возможность получить за переводы. Третьи – рабочие писатели и лефы (левая, срастающаяся с борьбой пролетариата часть европейской интеллигенции, «Ставба» – чехословацкая, «Дзвигня» – Польша, «Четыре ветра» – Литва, «Зенит» – югославская и др.). Третьи – это единственные отряды на Западе, подымающиеся на последнюю борьбу пролетариата.

Выводы общие.

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Польша развивалась как крупная промышленная часть бывшей России. Промышленность осталась – рынков нет.

На Запад с лодзинским товаром не сунешься – на Западе дешевле и лучше. Западу нужна Польша как корова дойная, Польша земледельческая.

У многих поляков уже яснее ответ на вопрос – быть ли советской республикой в союзе других советских или гонористой демократической колонией...

[1927]

Комментарии

Поверх Варшавы. Впервые – журн. «Молодая гвардия», М., 1927, № 17, июль.

В том же номере журнала напечатано тематически связанное с очерком стихотворение Маяковского «Варшава» («Чугунные штаны»).

Малашкин, Сергей Иванович (р. 1888) – советский писатель. Его повесть «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (1926), в которой разрабатывалась тема нравственности советской молодежи, вызвала горячую дискуссию, подвергалась критике за чрезмерное пристрастие к теневым сторонам быта молодежи, натурализм.

«Нива» – иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни, издававшийся еженедельно в Петербурге с 1870 по 1918 год.

Зозуля, Ефим Давидович (1891–1941) – советский писатель. Маяковский имеет в виду очерки Зозули «Из Москвы на Корсику и обратно».

..масса зощенок.. – Маяковский говорит о советском писателе Зощенко М. М. (1895–1958). К сатире Зощенко Маяковский относился резко отрицательно.

Полонский, Вячеслав Павлович – см. примечание к очерку «Ездил я так».

Лежнев, Абрам Захарович (1893–1937) – советский критик, особенно активно выступавший во 2-й половине 20-х годов против лефовцев и Маяковского, против его теории «социального заказа», Маяковский дает отповедь Лежневу в статьях «Расширение словесной базы», в предисловии к намечавшемуся изданию альманаха РЕФ, известному под названием «Товарищи!», в статье «Только не воспоминания...» и др.

Друг Вандурский – см. примечание к очерку «Ездил я так».

Критик Ставер – см. примечание к очерку «Ездил я так».

Щука, Мечислав (1898–1927) – польский художник и график.

Журнал «Дзвигня» – см. примечание к очерку «Ездил я так».

«Родченко в Париже» – см. примечание к очерку «Ездил я так».

Я начал атакываться корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами. – Интервью с Маяковским были помещены в польских газетах «Эпоха», «Польска вольность» (Варшава), «Хвиля» (Львов). В одном из них отмечалось: «Маяковский излагает свои установки как поэта: «Все то, что творят в настоящее время писатели России, – это поэзия действия, борьбы за права человека труда. Я

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru свободный человек и писатель. Я ни от кого материально не завишу. А морально я связан с тем революционным движением, которое переустраивает Россию на началах социальной справедливости» («Польска вольность», Варшава, 1927, 22 мая).

Председатель клуба г-н Гетель – см. примечание к очерку «Ездил я так».

...этакий польский Шенгели. – Шенгели, Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт и переводчик, автор брошюры «Как писать статьи, стихи и рассказы», которую резкой критике подверг Маяковский в ряде публичных своих выступлений 1926–1927 годов, так и в статьях («Как делать стихи?» и др.).

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса. – Пьеса А. Слонимского «Вавилонская башня» была поставлена Польским драматическим театром.

Пшибышевский, Станислав (1868–1927) – известный польский писатель, один из видных представителей декадентского крыла движения «Молодой Польши».

Жеромский, Стефан (1864–1925) – один из крупнейших представителей польской реалистической литературы, классик польской литературы.

Дефензива – польская охранка.

Бельведер – дворец в Варшаве был резиденцией военного диктатора Польши маршала Пилсудского (1867–1935).

...памятник Понятовскому. – Понятовский, Юзеф (1762–1813) – польский военачальник, участвовал в походе Наполеона на Россию, командовал польским корпусом.

...памятник Шопену... – памятник работы скульптора Вацлава Шимановского (1885–1930); поставлен в варшавском саду Лазенки в 1926 году.

Вертинский, Александр Николаевич (1889–1957) – эстрадный артист, автор романсов и песенок, находился в ту пору в эмиграции.

«Медвежья свадьба» с знаменитой «польской» артисткой Малиновской. – «Медвежья свадьба» – популярная в 20-е годы кинокартина, снятая по драме А. В. Луначарского, использовавшего сюжет новеллы П. Мериме «Локис». Главную роль в этой картине играла киноактриса Вера Степановна Малиновская. Сценарий написан А. В. Луначарским и К. В. Эггертом – постановщиком и исполнителем главной мужской роли фильма, отснятого в 1926 году. Маяковский относился отрицательно к этому фильму.

«Дворец и крепость» – советский кинофильм, поставленный в 1926 году известным кинорежиссером А. В. Ивановским по сценарию Ольги Форш и историка П. Е. Щеголева. Сюжет кинокартины близок сюжету романа О. Форш «Одеты камнем» (1924).

С. Стыкалин

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Поверх Варшавы. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!